

УДК 340.11

ББК 67.0

СВОЙСТВА ИГРЫ ИММАНЕНТНЫЕ ПРАВУ

*АННА ЮРЬЕВНА ГАРАШКО,**старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,**кандидат юридических наук**E-mail: garashkoanna@rambler.ru**Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве**Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН*

Аннотация. Рассматривается такой феномен социального бытия, как игра, и ее значение в априорно неигровой форме общественного сознания — праве. С помощью выявления и анализа основных свойств игры в праве в целом, и среди многообразия его форм, в частности, автор стремится обосновать выводы о детерминированности права игрой, исключительно серьезном трансцендентном характере игры, различном сочетании свойств игры в разных формах права и диалектической природе, позволяющей объединять внешне совершенно противоположные аспекты игры и права.

Ключевые слова: право, источник права, форма права, процессуальность, состязательность, алеаторность, диспозитивность, стратегичность, сакральность, урегулированность, конструируемость, амбивалентность.

Abstract. The article considers such phenomenon of social life, as the game and its importance in a priori non-fiction a form of social consciousness law. Through the identification and analysis of the basic properties of the game in the law generally, and in the diversity of its forms, in particular, the author seeks to substantiate the conclusions about the game's determination of the law, extremely serious transcendental nature of the game, different combination of the properties of the game in various forms of law and the dialectical nature that allows to merge externally of the opposite aspects of the game and law.

Keywords: law, source of law, form of law, process, controversy, aleatorily, optionality, strategiest, sacred, settlement, constructiveness, ambivalence.

В качестве целенаправленной и осознанной деятельности игра впервые возникла одновременно с появлением человека, с тех пор черты и отдельные свойства этого явления предстают неизменными характеристиками всех сфер общественного сознания. Игровые начала в максимальной степени проявились в политической сфере жизни общества, что неоднократно подтверждалось многочисленными научными исследованиями¹ и в целом обусловлено единством природы, содержательной взаимосвязью политики и игры. По словам Й. Хейзинга, всякое политическое сообщество по своей природе обладает рядом признаков, которые связывают его сообществом игровым². Вместе с тем, детерминируя такие изначально присущие человеческой деятельности характеристики, как сознательность, добровольность, стремление к наиболее благоприятному результату, сакральность, желание моделирования реальности, общественного призна-

ния, коммуникации и т.д., свойства игры неизбежно проявляются и в иных сферах жизни общества: экономике, религии, философии, эстетике, морали и праве.

Е. Финк называл игру, наряду со смертью, трудом, свободой и любовью, экзистенциальным феноменом, «одним из способов понимания, с помощью которых человек понимает себя... и стремится через такие смысловые горизонты объяснить одновременно бытие всех вещей»³. Являясь экзистенциальным феноменом игра «отталкивает» от себя любые понятийные определения, поэтому, не формулируя авторскую дефиницию, охарактеризуем основные свойства, присущие игре, и одновременно находящие отражение в такой форме общественного сознания, как право (процессуальность, состязательность, алеаторность, диспозитивность, стратегичность, сакральность, урегулированность, конструируемость).

Существующее в рамках современной постнеклассической научной парадигмы широкое интегративное правопонимание позволяет проанализировать право в контексте всех его проявлений, в том числе, поставить под сомнение представление о противоположности игры и права, сложившееся под эгидой того, что священная серьезность и живейшие интересы отдельного человека и общества в целом царят во всем, что касается права⁴, в то время как игра привычно ассоциируется в обществе с несерьезностью, озорством, прагматизмом. Следует, однако, отметить, что игровой элемент присущ практически любой сфере человеческой деятельности, и чем важнее для человека эта сфера, тем больше в ней выражен этот элемент, тем сильнее игровое начало (игровые элементы брачного, похоронного и проч. обрядов и ритуалов).

«Право выделилось из игр, связанных с жизнью и отношениями людей»⁵, в связи с этим в настоящее время игра, являясь имманентной человеческой деятельности, находит отражение в праве, а ее свойства и характеристики проявляются во многих сферах правовой жизни.

Рассматривая игру в ее максимальной смысловой содержательности, включающей характеристики всего многообразия форм игровой деятельности (пари, лотереи, различного рода состязания, соревнования, игры актеров в театре и кино, ролевые игры в социальных группах, казино, тотализатор, виртуальные игры, ритуализированные представления и т.д.), выделим ее основные свойства, наблюдаемые в праве, и исследуем степень и характер проявления этих свойств в различных формах права.

При этом, под формой права следует понимать способ организации и структуризации социально-духовной сферы жизни общества, проявления права в действии⁶. Именно формы права, каждая из которых отражает самостоятельную сторону существования данного явления, позволяют рассмотреть его как полисемантическую целостность, и как черты игры раскрываются в многообразии его значений.

К свойствам игры, имманентным праву, необходимо отнести следующие:

1. *Процессуальность* — игра, как и право, представляет собой развивающееся явление, отсутствие динамики в котором ведет к стагнации и кризису. Связанная с этим очевидная значимость проце-

дурного характера обуславливает его приоритет по отношению к результату (итог правовой процедуры не всегда так важен, как сама процедура, принятие в ней непосредственного участия). Эта особенность проявляется в такой черте западной правовой культуры, как стремление решать большинство спорных вопросов официальным путем — с помощью подачи исковых заявлений в суд и иные публичные органы власти, а также значимости процессуального права для прецедентного правотворчества.

2. *Состязательность* — состояние конфликтности, напряженности, постоянные борьба и соперничество за достижение превосходства в правовом процессе. Это свойство наиболее ярко выражено в судебных разбирательствах; в этой характеристике игры, присущей и праву, наиболее ярко выражена политическая составляющая человеческой деятельности — чтобы добиться желаемого результата участники используют не только объективно имеющиеся у них ресурсы, но и различного рода латентные манипуляционные механизмы. Побеждающий в правовом состязании признается государством не только победителем, лицом, обладающим соответствующими правами «на приз», но и правой стороной в споре.

3. *Алеаторность* — элемент непредсказуемости в процессе, когда результат последнего зависит от характера и объема усилий, реализуемых участниками, их умений и навыков. Составляющая случайности в праве тем больше, чем нерациональнее и, в то же время, неформализованнее правосознание (в индивидуальном и государственном праве алеаторность крайне мала). Недосказанность проявляется в связи права, азартной игры и жребия: в ходе судебного разбирательства — в окончательном решении судьи, при заключении правового договора — в скрытости возможно истинных намерений контрагента; в международном праве — при появлении нового крупного игрока на мировой арене, способного своей волей поменять установившийся баланс сил и т.д.

4. *Диспозитивность* — добровольность и осознанное желание принять участие в игровом процессе. Как способ выражения свободы в праве можно рассматривать заключение всего многообразия правовых договоров (международные соглашения, трудовые договоры, индивидуальные до-

говору, контаркты). Основная сфера проявления диспозитивности в праве — частное право и осуществление актов свободы усмотрения в публичном праве.

5. *Стратегичность* — все участники правоотношений, подобно участникам игры, формируют план своих действий (перспективный алгоритм мероприятий, необходимых для достижения желаемого результата), стремятся раскрыть и предугадать действия своих оппонентов. Стратегии в праве рассчитаны на долгосрочную цель и реализуются, как правило, государственно-властными субъектами посредством решения ряда менее масштабных промежуточных задач (тактических действий).

6. *Сакральность* — как и для игры, праву, особенно в его негосударственных формах, присущи элементы символизма и семиотичности: особая обстановка, место, время, прочие «атрибуты» реализации права. Право в некоторых формах дистанцировано от обыденной жизни, что связано с его избыточностью и самодостаточностью.

7. *Урегулированность* — нормы права аналогичны правилам игры, установленным ранее модератором и обязательным для участников. Так, Л.И. Петражицкий к нормам неофициального права относил правила игры в карты⁷. Наличие внешних правил в праве и игре обеспечивает упорядоченность и системность в действиях их участников, допускает возможность практически неограниченного количества повторений на унифицированной основе.

8. *Конструируемость* — моделирование ситуации, создание искусственной реальности. Норма права предстает как абстрактная модель, форма поведения для субъектов правоотношений. Игра не может быть абсолютно рациональной и реальной: как и в праве, в ней присутствуют идеализация, элементы абстрагирования. Право и игра предстают здесь как вторая природа человека, создаваемая им согласно своим «предпочтениям». С конструированием напрямую связаны рефлексивные аспекты игры — осознанное представление участников об искусственности своего положения, возможности в любое время выйти из игры.

Также, важным свойством как игры, так и права и, в определенной степени, объединяющим вышеперечисленные является амбивалентность, допускаю-

щая существование двух противоположных аспектов одного явления. Так, указанные ранее свойства в какой-то мере взаимоисключают друг друга (стратегичность и алеаторность; диспозитивность и состязательность; сакральность и конструктивность и т.д.). В праве, например, в равной степени «уживаются» такие противоположные начала, как частное и публичное, объективное и субъективное, императивное и диспозитивное, индивидуальное и общественное, естественное и позитивное и т.д. Однако именно эта конфликтность обеспечивает возможность социального развития, диалектики, права и игры, в то же время сочетающегося с установлением и восстановлением упорядоченности отношений в социуме.

Рассмотрим, как перечисленные свойства «раскрываются» в четырех основных формах права (индивидуальном, групповом, государственном, международном)⁸.

В индивидуальном праве добровольность, самостоятельность, неповторимость и суверенность индивида — сущностная основа данной формы права. Индивид, наделяя себя статусом правового существа и в дальнейшем играя его роль, конструирует собственную модель правовой жизни, в которой наличие, характер и степень актуализированности ряда рассматриваемых нами свойства игры (процессуальности, состязательности, алеаторности, сакральности, урегулированности) зависит исключительно от правосознания самого индивида.

Следует отметить, что игровые начала проявляются в индивидуальном праве, как в процессе социального общения, так и в доминирующей степени в правосознании самого индивида, пытающегося «предрасположить» себя к чему-либо, сконструировать собственную правовую реальность.

Стратегичность проявлена в индивидуальном праве в форме рациональной составляющей этого права, перспективного плана действий любого субъекта права для достижения желаемого результата (соответствие определенным критериям для получения добываемого права, правопритязания).

В групповом праве ярко выражен ролевой момент игры. Каждый участник социальной общности выполняет, как правило, добровольно взятую на себя роль, реализует модель поведения в игре — правовое положение (права, обязанно-

сти, ответственность). В отличие от группового, роли в государственном праве — правовые статусы, распределяемые сувереном по собственному усмотрению.

Диспозитивность ролей и связанная с ней алегаторность позволяют участникам правоотношений в групповом праве осуществлять свою деятельность на основе состязательности, стремления к реальной победе. «Возможность родства между игрой и правом делается очевидной для нас, как только мы замечаем, что правовая практика независимо от того, какие идеалы положены в основание права, — носит в высшей степени состязательный характер»⁹.

Судебные разбирательства в рамках группового негосударственного права представляют собой модель азартной игры, осуществляемой согласно строгой процедуре, но в связи с возможностью сторон повлиять на итог, содержащей долю недосказанности, риска, поддерживающего момент игрового соперничества между равными по взяткам на себя групповым ролям сторонами защиты и обвинения.

Мотивация принятия участия в игре в данном случае выражена не только в получении желаемого результата, но и в достижении его согласно определенной процедуре, то есть, в данном случае последняя менее важна, чем сам итог. Процессуальности в этом смысле придается значение сакрализованного таинства, особого ритуала.

Из агональной сущности спора в групповом праве, целеустремленности участников и его слабой конструируемости проистекает возможность выйти за рамки внешней государственной регуляции и создавать нормы права прямо в зале судебного заседания (судебный прецедент).

В государственном праве игровые начала выражены достаточно ярко, однако, имеют иное значение, отличное от игры в негосударственных формах права. Это связано, прежде всего, с неравным соперником, являющимся субъектом практически любых правоотношений в этой форме права. Государство изначально обладает максимальным потенциалом по отношению к индивиду (силовые ресурсы, механизм государства), но, кроме этого, оно же — единственный источник государственного права, способный менять его таким образом

и тогда, когда посчитает это необходимым. Игра с заведомо нечестным противником (шулером) может быть интересна только другому нечестному противнику. Что и происходит в международном праве, отношения между участниками которого изначально строятся на манипулятивной и провокационной основах.

В государственной форме право, основанное на формализованной, в определенной степени профанной базе, содержательно лишено сакральности и таинственности. При этом, однако, допустим «идеологический инсайдинг», осуществляемый при помощи средств массовой информации, содержащий символическое оформление воли обладателей государственной власти и направленный часто на подосознательно конструируемую в обществе легитимацию последней.

Исключительная степень внешней формальной моделируемости, централизованной урегулированности и связанной с ними строгой процессуальностью государственного юридического права позволяет говорить о практически полном отсутствии в нем эффекта неожиданности. Следует, однако, отметить, что при наступлении такой форс-мажорной ситуации, статическая, слабо подвижная и в незначительной степени обладающая диалектическими характеристиками система права, испытывает сильные деструктивные потрясения, способные, в том числе, привести к полному ее демонтажу.

Практическое отсутствие в праве риска, создает возможность построения аналога эталонной партии в игре — алгоритма правил, строгое выполнение которых закономерно приводит к желаемому результату, достижению блага (модель государственно одобренного правомерного поведения).

Состязательность в этой форме праве реальна настолько, насколько в ней проявлен элемент диспозитивности. Добровольность, являясь основой частного права, позволяет субъектам права «играть в праве», а не «играть в право», подобно тому, как это латентно регламентировано публичным правом. Играя в праве, индивиды, способны оказывать влияние на результат такой игры, с помощью объективно принадлежащих им правоспособностей, что вызывает эффект состязательности, азартности, желание добиться лучшего и доказать другим, что ты — луч-

ший. В то время как при подавляющем влиянии государства, публичности, состязание превращается в пари, то есть, игру с заведомо неподвластным игрокам результатом, где государство выступает в роли единственного и абсолютно суверенного арбитра и участникам не остается ничего иного, кроме «игры в право», по тем правилам и на тех условиях, которые устанавливает законодатель.

Со свойством диспозитивности связана и содержательная дифференциация добываемых и предоставляемых прав, первые из которых сами по себе представляют желаемый результат игры, а вторые — шанс получить статус игрока, имеющего возможность достигнуть такого результата.

Стратегичность в государственном праве возможна только в рамках государственно-правовой политики, источником которой выступает само государство, иные субъекты могут строить свою деятельность, опираясь лишь на те планы и перспективы, которые коррелируют с государственной стратегией.

В **международном праве**, и в особенности таком его виде, как межгосударственное право, традиционно насыщенном политической составляющей, игра представлена во всех выделенных выше характеристиках.

С привнесением игрового фактора в международное право связано, прежде всего, значительно усилившееся в настоящее время воздействие политики и международных отношений на процесс правотворчества. Право становится заложником стратегических и тактических решений и операций участников политической игры, проходящей, по словам известного американского исследователя мировой политики З. Бжезинский, на «Великой шахматной доске», постепенно теряя самостоятельность и утрачивая свое первоначальное назначение — установление порядка и баланса в общественных отношениях. Право предстает как игра власти и манипуляций. Можно утверждать, что чем больше политической составляющей в международном праве, тем ярче выражен в нем фактор игры.

Для международного права, в силу большей равноценности участников, каждый из которых обладает значительным силовым ресурсом и правотворческой базой, характерен ярко выраженный до-

говорной характер. «Выразительное утверждение: «договоры должны выполняться» фактически содержит в себе признание, что целостность системы покоится лишь на воле к совместному участию в общей игре. Как только одна из причастных сторон перестает соблюдать правила, тогда или рушится вся система международного права (пусть даже временно), или нарушитель должен быть, как шпиль-блехер, изгнан за пределы сообщества. Соблюдение норм международного права всегда в высокой степени зависело от следования понятиям чести, приличия и хорошего тона»¹⁰.

Однако игровой аспект обуславливает существование на мировой арене и таких акторов, действия которых осуществляются в рамках стратегии наиболее крупных государств в силу политической и/или экономической зависимости. Такие государства, по сути, выступают не субъектами, а объектами политико-правовых отношений.

Принципы права — источники международного права, представляющие абстрактные и неоспоримые ценности, признаваемые всеми участниками международных правоотношений, привносящие в формальное право элемент духовности, содержательности, создающие «моменты сакральности» и стремящиеся, как практически все источники международного права, преобразовать реальность вокруг себя, создав модель желаемой ситуации.

Состояние напряженности и отчасти непредсказуемости на международно-правовой арене тем сильнее, чем крупнее игроки на ней появляются. Вместе с тем, составляющая состязательности в той или иной степени перманентна для этой формы права в силу тенденции расширения суверенитета наиболее сильных акторов международного права (Россия, США, Евросоюз, др.).

В связи с этим, процессуальность для международного права не играет значимой роли, так как нормы права творятся самими участниками *ad hoc* без вмешательства внешних арбитров (значимость прецедентного права для англо-саксонской правовой системы).

Таким образом, выявление природных свойств игры в различных формах современного права позволяет констатировать сущностное родство двух анализируемых явлений; опровергнуть сложивше-

еся представление об игре как об исключительно несерьезном процессе, не имеющем ничего общего с правом и проследить динамику диалектической связи права и игры.

Литература

1. *Гарашко А.Ю.* Соотношение принципов права и системы источников права // В сборнике: Актуальные вопросы юридических наук, 2012.

2. *Давидов Д.С.* Основные течения сионизма в Израиле // В сборнике: Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей. Нижний Новгород, 2010.

3. *Долгушина С.В., Иванов С.А., Кулакова Ю.Ю., Лановая Г.М., Лизикова И.И., Мамонтов А.Г., Недобезжкин С.В., Рыжов А.А., Сидорова Е.В.* Теория государства и права. Введение в юриспруденцию: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М., 2012.

4. *Малахов В.П.* Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2013.

5. *Мамонтов А.Г.* Административно-политический фактор в системе правосудия // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 12.

6. *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб., 1905.

7. *Финк Е.* Основные феномены человеческого бытия / Е. Финк // Проблема человека в западной философии. М., 1988.

8. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост. предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д.Э. Харитоновича. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.

References

1. *Garasko A.Y.* the correlation of the principles of law and system of sources of law // In book: Actual questions of legal Sciences 2012.

2. *Davidof D.S.* Main currents of Zionism in Israel // In collection: problems of legal science in the research of doctoral students, adjuncts and job seekers Nizhny Novgorod, 2010.

3. *Dolgushin S.V., Ivanov S.A., Kulakov Yu.Yu., Lanovaya G.M., Lysikova I.I., Mamontov A.G., Nedobezhkin S.V., Ryzhov A.A., Sidorova E.V.* Theory of state and law. Introduction to law: a textbook for students of higher educational institutions trained on a speciality «Jurisprudence» / М., 2012.

4. *Malakhov V.P.* the General theory of law and state. To the problem of understanding the law: a textbook for University students enrolled in the speciality «Jurisprudence». М.: YUNITI-DANA, Zakon I pravo, 2013.

5. *Mamontov A.G.* the Administrative-political factor in the justice system // Vestnik of the Moscow University of the MIA of Russia. 2011. No. 12.

6. *Petrzhitsky L.I.* introduction to the study of law and morality. Emotional psychology. SPb, 1905.

7. *Fink E.* the Basic phenomena of human existence / E. Fink // the Problem of man in Western philosophy. М., 1988.

8. Huizinga. Homo ludens. A person who plays / Ed.Foreword.andtranslatedfromniderl.D.V. Silvestrov; Comment, a pointer D.E. Kharitonovich. SPb.: The Publishing House Of Ivan Limbach, 2015.

¹ См., например: *Ветренко И.А.* Игровые практики в политическом процессе. Дис. ... д-ра полит. наук. Омск, 2009; *Бочарова Т.* Имя политика как объект языковой игры / Т. Бочарова // Политическое поведение и политические коммуникации: Психологические, социологические и филологические аспекты : тезисы и тексты докл. науч.-практ. конф. СПб; Красноярск; Иркутск, 1994. С.25; *Ляшенко П.В.* Политика как «игра» в философско-эстетической мысли Древней Греции // Вестник Оренбургского государственного университета 2015. № 7 (182). С. 21—25; *Сарычев О.В.* Политическая игра: к вопросу о сущности понятия // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 29—36 и др.

² *Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий / Сост. предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д.Э. Харитоновича. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. С. 288.

³ *Финк Е.* Основные феномены человеческого бытия / Е. Финк // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 357—403.

⁴ См.: *Хейзинга Й.* Указ. соч. С. 118.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ *Малахов В.П.* Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2013. С. 49.

⁷ См.: *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб., 1905.

⁸ См.: *Малахов В.П.* Указ. соч.

⁹ *Хейзинга Й.* Указ. соч. С. 118.

¹⁰ Там же. С. 288.